

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.28.58.015

Идея «Особого пути» в контексте кризиса неолиберализма (на примере современной ФРГ)

Яшкова Татьяна Алексеевна

Доктор политических наук,
профессор кафедры философии и социологии,
Академия труда и социальных отношений (ОУП ВО «АТиСО»),
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: yashkova@yandex.ru

Меметов Энвер Рустемович

Аспирант кафедры философии и социологии,
Академии труда и социальных отношений (ОУП ВО «АТиСО»),
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: enver.memetov.97@gmail.com

Аннотация

Рубеж XX–XXI вв. во многом ознаменовался глубоким политическим кризисом системных партий, который вызван эрозией традиционной для Нового времени политической организации «нация – государство». Эта «эрозия» стала итогом кризиса господствующей в международных отношениях идеи неолиберализма и привела к всплеску активности правопопулистских партий. Данная статья на примере современной ФРГ во многом пытается дать ответ на вопрос, как электоральный успех правых популистов связан с идеей «Особого пути». Авторы приходят к выводу, что миграционный кризис, в купе с провалом процесса глобализации, породили страх потери собственной национальной идентичности. Этот страх постепенно привел к превращению национализма как системы идейно-политических воззрений в один из существенных факторов развития современного европейского общества. Тревога и страх за собственное будущее привели к возрождению идеи «Особого пути» и волне электорального успеха внесистемных партий и движений, которые активно апеллируют к националистическому нарративу.

Для цитирования в научных исследованиях

Яшкова Т.А., Меметов Э.Р. Идея «Особого пути» в контексте кризиса неолиберализма (на примере современной ФРГ) // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 127-137. DOI: 10.34670/AR.2022.28.58.015

Ключевые слова

«Особый путь», неолиберализм, романтический национализм, мультикультурализм, ФРГ, глобализация, миграция, кризис системных партий, Альтернатива для Германии, правый популизм.

Введение

Процесс формирования концепта «особый путь» напрямую связан с Германией, идеологией романтического национализма и интеллектуальным переворотом рубежа XVIII–XIX столетий. Его основоположником можно назвать немецкого мыслителя и богослова И.Г. Гердера, который в своем многотомном труде «Идеи к философии истории человечества» впервые затронул проблему национальной идентичности. Гердер, отталкиваясь от тезиса, что не существует «варварских» и «образованных» народов, выдвинул теорию, согласно которой каждая нация движется по «особому» предопределенному Богом пути. Такая постановка вопроса дала возможность заговорить о европейской политике как о соперничестве наций, имеющих собственный, не поддающийся сравнению, путь развития. Для наглядной иллюстрации собственной теории Гердер прибегнул к органистским метафорам, что позволило общедоступно истолковывать базовую идею национализма. Народы, как и растения, проходят строго установленные стадии развития: рождение, юность, зрелость, старость и смерть. Как разные растения не одинаковы в темпах развития, так и развитие разных народов не совпадает во времени, что позволяет говорить об уникальной жизненной траектории, присущей каждой нации [Гердер, 2013, 265].

Формирование идеи «Особого пути»

В политическом отношении эта языковая конструкция впервые утвердилась в Германии и во многом стала реакцией на события Французской революции и последовавших за ней разорительных Наполеоновских войн. В условиях масштабных потрясений и невиданных по своим масштабам унижений европейских монархий потребность «изобрести» нацию стала особенно актуальной. Именно в этом контексте и нашла применение предложенная Гердером и развитая далее И.Г. Фихте и братьями Шлегелями концепция, согласно которой исключительность и самобытность немцев упиралась в самобытную культуру, которую нельзя завоевать мечом. Идя дальше, И.Г. Фихте заговорил о едином немецком сознании, которое формируется в противовес сознанию французскому [Фихте, 2009, 66].

Следующим важным поворотным моментом в формировании «особого пути» стало объединение Германии в единое государство – Второй Рейх под эгидой Пруссии. Все немецкое население испытывало невиданный прежде национальный подъем, который стимулировался немецкими интеллектуалами. Осознание отличия Германии от всего остального европейского мира и получило название «Deutscher Sonderweg», что в переводе с немецкого означает «особый путь».

Примечательно, что процесс объединения и укрепления страны происходил при помощи силы, что упрочило в народе положительное отношение к монархии и милитаризму. Воинственный лидер, который стоит над политикой и собственными интересами, начинает восприниматься как символ истинной любви к Отечеству. Тут же можно усмотреть и патологическую неприязнь немцев к демократии, парламенту, революциям и всему тому, что может своими действиями разобщить Германию [Фест, 1993, 262]. В этих исторически сложившихся условиях Германии попытались навязать чуждую ей модель западной демократии, чем в 1933 г. умело воспользовалась национал-социалистическая партия.

В результате долгое время в исторической науке преобладало критическое отношение к самой идее «особого пути», которая в силу сложившихся обстоятельств ассоциировалась исключительно с нацистской Германией. Наиболее плодотворным в этой череде исследователей был французский специалист Эдмон Вермей. Уже в 1939 г. он писал, что нацизм был грубой

карикатурой на немецкую интеллектуальную традицию. Период 1818–1918 гг. рассматривался им как колыбель нацизма, период перманентного кризиса, в котором усматриваются черты, предвещающие наступление кризиса [Vermeil, 2011, 134].

Постепенно благодаря деятельности представителей Билефельдской школы – Ханса-Ульриха Велера и Юргена Коки сформировался иной подход к оценке немецкого «Sonderweg», который предполагал множественность исторических траекторий развития, а также важность трансферных зон и фактов взаимного влияния [Атнашев, Велижев, Зорин, 2018, 245]. Можно сказать, что они денацифицировали «Sonderweg», введя в оборот его более нейтральное значение «Eigenweg» (собственный путь).

В этом ключе речь уже не идет о признании уникальности каждой национальной траектории, а скорее о конструировании исторической нормы модерности в терминах «семейного сходства» Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 2018, 340]. Подразумевается наличие целого блока базовых характеристик, ни одна из которых не будет выступать решающей. Любая национальная траектория перехода к модерности содержит только часть общего набора свойств, а конкретная комбинация этих черт в каждом случае является уникальной, что позволяет говорить о наличии особой национальной идеи. Все это создало возможность не только применять данный конструкт к историческому пути любого государства, но и дало толчок для изучения того, как идея национальной исключительности транслировалась от одного культурного и политического пространства в другое.

В новом подходе концепт «Sonderweg» действительно становится анахроничным и превращается в историю «Sonderwege», «путей», которые формулируются как национальные идеи, но с оглядкой на концепцию «особости» в других культурных контекстах. Ведь, несмотря на сугубо немецкое происхождение, концепт «особый путь» постепенно распространился за рамки своего традиционного восприятия [Атнашев, Велижев, Зорин, 2018, 12]. В подобной интерпретационной парадигме рассматриваются «запоздалое» экономическое развитие Франции в XIX в.; современная история Японии; история Англии, которая долгое время выступала в качестве традиционной «нормы»; идея специфичности и, как следствие, – фундаментальное отличие США от всех остальных стран; особая форма румынского фашизма, сочетавшего в себе признаки партии и религиозной секты; поиск российской самобытности или предпосылок принципиальной несравнимости российской истории по отношению к западной и т.д.

Идиома «пути», исторического пути и ряд связанных с ней выражений обычно представляют историю целой страны как естественное движение вперед по уникальной, предначертанной траектории. При этом «особый путь» можно воспринимать не только как указатель, – это скорее некий механизм, который играет роль переключателя в системе коллективной идентификации. Важно, что этот механизм должен опираться на конкретный исторический нарратив. Отсюда можно сделать вывод, что конструирование «особости» во многом основано на реальных исторических элементах прошлого, которые в процессе конструирования лишь переосмысляются и приспособляются к актуальной дискурсивной задаче [там же, 63]. То есть мы говорим о прямой взаимосвязи между национальной идентичностью и «особым путем» развития.

Кризис идеи неолиберализма

На первый взгляд в условиях становления глобального общества классический дискурс романтического национализма, терминологической базой которого выступают такие эссенциалистские категории, как «национальный характер», «национальный дух» и

историческая миссия народа, выглядит как переживший свое время анахронизм. Однако при более детальном рассмотрении в глаза бросается тот факт, что на протяжении последних десятилетий мы можем наблюдать рост влияния политических идеологий, как основанных на интеллектуальном наследии романтического национализма, так и апеллирующих к его нарративу.

Объяснить это можно двумя взаимодополняющими факторами. Во-первых, перечисленные выше понятия благодаря современным исследованиям сливаются в единое представление об «особых путях» разных народов, которые воспринимаются если не как ключевые черты формирования исторического самосознания, то как разные варианты пути к модерну. Вторым фактором можно назвать кризис неолиберализма. Возникает вполне закономерный вопрос: как между собой связаны два этих фактора?

Начиная с 90-х гг. XX в. условиях краха биполярного миропорядка страны Запада стали выступать в качестве единственного центра силы глобального масштаба. Крах коммунизма воспринимался как свидетельство превосходства западной модели развития и доминирующих ценностей. Этот факт позволил контролировать поведение остальных участников системы международных отношений за счет внедрения «правильных» норм, ценностей, правил поведения и принуждения остальных акторов к их исполнению. Либерализм в его неолиберальной интерпретации оказался на пике влияния. В рамках этой идеи можно выделить такие факторы, как рост влияния международных организаций, размывание суверенитета национальных государств, развитие транснациональных корпораций, увеличение объема международной торговли и массовая миграция населения из стран третьего мира [Бауман, 2004, 79].

При этом глобализация трактовалась в первую очередь как вестернизация, как воздействие стран Запада на трансформирующиеся политические сообщества и экономики стран третьего мира. Увлечение едиными нормами и правилами на международной арене не исключало правового релятивизма, когда базовые нормы международного права стали применяться выборочно, в зависимости от текущих политических потребностей и конкретных ситуаций. Приход к власти Дж. Байдена и демократической администрации ознаменовал собой возврат к политике выстраивания либерального идеологического и политического консенсуса, которые были подорваны в предыдущее четырехлетие [Соловьев, 2022, 12]. Во многом цель данного консенсуса – эффективно выстраивать политические коммуникации и добиваться высокого уровня управляемости политическими процессами. Это позволяет обеспечить согласие правящих элит западных стран по ключевым вопросам. Однако попытка вернуться в «благословенные» 1990-е гг. изначально была обречена на провал. Во многом этот провал легко объясняется кризисом идеи неолиберализма.

В рамках этого кризиса можно выделить несколько ключевых элементов. Главным маркером, свидетельствующим об упадке идеи неолиберализма, можно назвать «эрозию» традиционной для нового времени политической организации «нация – государство». Подобная ситуация порождает страх потери собственной национальной идентичности, что превращает национализм, как систему идейно-политических воззрений, в один из существенных факторов развития современного общества. Например, во Франции распространяются многочисленные «страхи» – перед будущим, перед иммигрантами, перед «Большой Европой», центром притяжения которой больше не будет Париж. Как следствие, французская национальная идентичность приобретает отчетливый охранительный оттенок [Семененко, 2007, 94]. В результате слабеющий либерально-демократический центр идет на

рискованный политический шаг – ужесточение миграционной политики, осуждение мультикультурализма, обращение вспять евроинтеграционных процессов, как в случае с выходом Великобритании из Европейского союза. С одной стороны, эта мера была вызвана оглушительной популярностью партии Reform UK и кипучей деятельности их харизматичного лидера Найджела Фаража, а с другой – нарастающим германским доминированием в охваченной нестабильностью Европе. В 2011 г. сподвижник Ангелы Меркель, глава фракции ХДС Фолькера Каудер, заявил: «Отныне Европа заговорит по-немецки» [Schulze, www]. Эту фразу мгновенно подхватили и растиражировали СМИ, что стало настоящим подарком для Британских евроскептиков. Современная политическая ситуация показывает, что расположенные к евроинтеграции граждане зачастую не готовы жертвовать национальными интересами ради торжества абстрактного европейского «блага», зримым олицетворением которого является евро бюрократия. Имеющиеся у них опасения не компенсируются пресловутым девизом, обещающим «единство» в «многообразии», поскольку то и другое «обрастает» негативными коннотациями.

Вторым важным маркером, позволяющим говорить о кризисе неолиберализма, можно назвать нарастание центробежных тенденций в районах проживания коренных этнических групп. Примерами этого явления можно назвать референдум в Шотландии в 2014 г., запрет Конституционного суда Испании на проведение референдума по выходу Каталонии из состава страны 9 ноября 2014 г., нарастание сепаратистских настроений в Баварии, стремление к самостоятельности в Северной Ирландии. Уникальный пример развития схожих тенденций демонстрирует Бельгия, процесс децентрализации которой выражается в контексте обострения между государствообразующими этническими группами – фламандцами и валлонами [Нарочинская, 2015, 44].

Назревающую проблему глобальной децентрализации часто сравнивают с культурным ренессансом. Освобождение и самоопределение – два лозунга, которые сопровождают борьбу между локальными и глобальными процессами современности. Эта борьба порождает процесс реконструкции национальных идентичностей, который вновь развернулся в современной политической жизни. По своей природе этот процесс направлен на восстановление традиций вопреки современности. Однако это не является простым возвратом назад, коррелирующим с ушедшими социальными структурами. На самом деле речь идет о возможности рассматривать будущее через призму прошлого.

Отдельно стоит выделить миграционный кризис 2015 года. Паническая реакция СМИ на бесконтрольный приток беженцев в ЕС, непоследовательность властей по отношению к регулированию потоков мигрантов мобилизовали правый политический лагерь. Если раньше правые считались политическими аутсайдерами и маргиналами, то к концу второго десятилетия XXI в. в ряде стран вошло в норму формирование с ними коалиций. По состоянию на 2019 г. в двух европейских государствах – Венгрии и Польше управление страной фактически оказалось в руках крайне правых партий, а четырех других – Словакии, Италии, Болгарии и Эстонии они почувствовали в формировании правительства. В 2015–2017 гг. Австрийская партия свободы, в 2015–2017 гг. – истинные финны и в 2013–2020 гг. – норвежская Партия прогресса имели министерские портфели в правительственных кабинетах [Соловьев, 2022, 181].

Страны, которые выступали за мягкую миграционную политику, сейчас столкнулись с новой проблемой – эмиграцией автохтонного населения. Так, например, в 2021 г. из Германии эмигрировало на 64 179 немцев больше, чем иммигрировало, а с 2005 г. Германию навсегда

покинуло на 792 000 немцев больше, чем вернулось. Это особенно релевантно в контексте существующего десятилетиями дефицита рождаемости: с 1972 г. немцев умерло на шесть миллионов больше, чем родилось, и такие перманентно сильные демографические потери имеют серьезные последствия. В частности, возрастает спрос компаний на рабочую силу, а финансировать социальные государственные расходы (например, пенсии) становится сложнее. Но, несмотря на дефицит рождаемости, население Германии увеличилось с 1972 г. более чем на четыре миллиона, это объясняется высокой иммиграцией иностранцев. Кроме того, миграционная волна, захлестнувшая Европу и грозящая «размыванием» ее социокультурного фундамента, является лишь одной из видимых проблем. В некоторых странах, например в Голландии, Дании и Великобритании, миграционный поток привел к возникновению «позитивной дискриминации», открывающей «некоренным» членам общества расширенный спектр возможностей, включая пособия и льготное жилье, привилегии при приеме на работу и расширенный социальный пакет.

Это, в свою очередь, создает новый фактор развития этнополитических процессов в странах Европы, дополняющий картину в целом, – феномен «новых диаспор». Речь идет о замкнутых сообществах, которые организуют и кооперируют мигрантов, прибывающих с территории развивающихся стран. Подобная практика приводит к замедлению социальной и культурной адаптации в рамках светского общества. Порождаемая этим феноменом «национализация» диаспор не только все больше усложняет этнополитическую карту европейских стран, но и в рамках столкновения культур усиливает праворадикальные настроения в Европе.

Перечисленные выше проявления кризиса неолиберализма, дополненные последствиями пандемии COVID-19, ведут к кризису классических европейских партий. Кризис системных политических партий во многом связан с их размытой идентичностью, идеологической стагнацией и неспособностью дать ответы на ключевые вызовы современности, что весьма негативно сказывается на их имидже и доверии к ним избирателей. Социально-политические процессы последнего десятилетия, чувство незащищенности и дезориентированности европейцев в стремительно меняющемся мире поколебали устоявшуюся систему политических координат. Появились обоснованные сомнения в ее функциональности применительно к новым электоральным ожиданиям и запросам. Непрерывно разрастающееся проблемное поле оставляет все меньше места для «политкорректных» и «открытых всем» центристов, растет спрос на партии, сочетающие идейную определенность с внутренней мобильностью.

ФРГ и кризис системных партий

Во многом это связано с внутривнутрипартийным кризисом, с которым столкнулись «системные» партии. На протяжении минувших десятилетий крупные умеренно-консервативные партии, следуя основному принципу центризма, старались выступать в качестве генераторов консенсуса, внутри которых происходит слияние различных точек зрения и интересов, присутствующих в общенациональном социально-политическом поле. Указанные вещи процессы дают основание полагать, что описанная схема исчерпала себя. В числе причин можно назвать и кризис руководства ведущих политических сил, и противоречивую динамику европейской интеграции, и, в еще большей степени, коренное изменение структуры общества, порождающей новые линии социальных разломов. Прежнее партийно-политическое деление уже не отражает изрядно усложнившуюся и вдобавок напрочь лишенную стабильности «карту»

электоральных предпочтений. Партиям «классического» типа, особенно консервативным, апеллирующим к традиции в том или ином варианте ее понимания, такая разбалансировка категорически противопоказана.

Схожую ситуацию можно наблюдать и в социал-демократических партиях, которые на рубеже XX–XXI вв. осуществили существенный сдвиг в сторону политического центра. Сдвиг к социальному либерализму и фактический отказ от социал-демократических традиций поставили под вопрос социал-демократическую идентичность и привели к внутривнутрипартийным конфликтам между либеральными модернизаторами и левыми традиционалистами. Серьезным испытанием для социал-демократов стали и внешние вызовы – финансово-экономический кризис 2008 г., глобализация, миграционный кризис и пандемия COVID-19. Причем, как отмечает американский политолог Шери Берман, главная проблема левоцентристов кроется не в вызовах с которыми они столкнулись, а в отсутствии убедительных и последовательных ответов на них [Berman, 2006, 211]. Европейским социал-демократам не хватает самого главного – собственного «видения» будущего. Они не способны предложить избирателем оригинальных, креативных идей, что ведет к потере электоральной базы. Если в 1998 г. социал-демократические партии на выборах в парламент получали в среднем 25,3% голосов, то в 2018 – лишь 20,7% [Соловьев, 2022, 51]. Связано это во многом с тем, что негативные последствия глобализации и неконтролируемой миграции коснулись прежде всего мало- и среднеквалифицированных рабочих, которые, как правило, голосовали за социал-демократов. В результате происходит переток голосов от социал-демократов к национал-популистам и евроскептикам. Как отмечает теоретик СДПГ Томас Майер, рабочие, разочаровавшиеся в социал-демократической партии, «все чаще видят в этнической политике идентичности популистских правых с их призывом к закрытию границ единственный ответ, удовлетворяющий их потребности в безопасности, системе ориентиров и признании» [Meuer, www].

Как итог, в современной мировой политике набирают силу настроения «разгневанных граждан», недовольных господствующим истеблишментом и проводимой им политикой, раздраженных характером текущих политических процессов и выступающих с требованиями серьезных перемен. Однако представления об этих переменах остаются крайне размытыми. Поэтому бенефициарами современного политического синдрома становятся главным образом популистские политические силы (причем как с правого, так и с левого фланга политического спектра): во Франции (Национальное объединение), ФРГ (Альтернатива для Германии), Шотландии (Шотландская национальная партия), Польше (Право и справедливость), Австрии (Австрийская партия свободы), Британия (Партия независимости Соединенного Королевства) и т.д. [Мудде, 2014, 98].

Ярким примером подобного успеха можно назвать деятельность образованной в 2013 г. правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). По своей сути это была партия элит, основанная перебежчиками из других ведущих партий, которые долгие годы пытались реализовать свои политические убеждения на правых флангах «народных» партий, но перешли к самостоятельным действиям в политическом процессе. Спустя всего четыре года после своего создания, согласно результатам выборов, в Бундестаг в 2017 г., партия стала третьей по значимости политической силой в Германии, получившей 94 мандата [German elections 2017, www]. Во время осенних выборов в ландтаги Баварии и Гессена, которые проходили осенью 2018 г., блок ХДС/ХСС набрал 37,2% голосов, а АдГ – 10,2% [Landtagswahl 2018 Bayern, www]. Впервые после 1962 г. в исторически сложившемся оплоте консерватизма – Баварии, ХСС не

стала партией большинства. Это событие вызвало широкий общественный резонанс. По состоянию на 2019 г. партия была представлена в ландтагах всех 16 федеральных земель и является главным представителем оппозиции на федеральном уровне.

Рост электоральной поддержки АдГ свидетельствует о том, что взгляды партии на вопросы политической жизни страны становятся все более актуальными. По сути, краеугольным камнем программного документа АдГ являются идеи выхода Германии из еврозоны и последующий отказ от предоставления экономической помощи Греции. АдГ выступает против массовой миграции на территорию Германии, против «исламизации Запада». Интересно, что Фрауке Петре, лидер партии АдГ в период с апреля 2013 г. по июль 2015 г., даже допускала мысль о возможности открыть огонь по мигрантам, в случае если они будут нарушать правила пересечения границы. Кроме этого, партия поддерживает антиисламские настроения, которые царят в немецком обществе. Лидеры партии уверены, что впускать на территорию страны стоит лишь умеренных мусульман, которые готовы интегрироваться в немецкое общество [Захарова, 2019, 223]. Важное место в программе уделено проблеме материнства, детства и демографической политики.

Можно с уверенностью резюмировать, что в программе отражены наиболее острые вопросы немецкой политики. Помимо указанных факторов, электоральный успех Германии можно объяснить и разногласиями внутри партии ХДС, которая не способная пойти на компромисс в рамках «Большой коалиции». Все это способствует протестному голосованию немцев.

Вызывает интерес и взгляды АдГ на прошлое Германии. Партия и ее отдельные лидеры стремятся к более позитивному изображению истории страны, подчеркивая, что история Германии не сводится к 12 годам диктатуры национал-социализма. Особенно резонансной была речь сопредседателя партии Александра Гауланда на партийном съезде в Тюрингии, в которой он отметил: «Адольф Гитлер и нацисты являются лишь пятном птичьего помета на нашей более чем тысячелетней истории» [Мещеряков, 2020, 285]. Ключевой посыл всей речи вращался вокруг идеи, что, хотя ФРГ и несет ответственность за 12 лет национал-социализма, она имеет право и на другие страницы «славной истории». Второй важной чертой можно назвать отход от понимания Холокоста как центрального элемента исторической памяти немецкого народа [там же]. В этом ключе необходимо вспомнить неформального лидера правого крыла АдГ – Б. Хекке. В одном из своих выступлений он раскритиковал мемориал жертвам Холокоста, расположенный в центре Берлина, назвав его памятником позора [www].

Современные правые партии традиционно играют на вопросах идентичности и отдают приоритет социокультурным проблемам общества. В это же время классическая европейская партийная система устарела с дискурсивной точки зрения. Те понятия, которыми она длительное время оперировала, не подходят для актуальных политических вопросов, связанных с миграцией, Евросоюзом и разрушением национальных государств. Классические партии не могут адаптироваться к меняющимся условиям и выработать общий язык обсуждения назревших вопросов. Они только критикуют и осуждают новые веяния, и это принципиальная разница с правыми популистами, например, с АдГ, которая говорит на языке, который понятен населению Германии, но категорически отрицается политическим истеблишментом. В риторике АдГ народу близки не ксенофобия, а то, что с ними понятно и доступно разговаривают. Критика мультикультурализма в купе с идеями о том, что раньше жилось лучше, находит отклик в умах и сердцах населения. Причем раньше имеется в виду не при нацистах, а раньше, когда не было Евросоюза.

Заключение

Таким образом, под воздействием объективных социально-экономических и политических процессов в мире все ярче начинают проявляться симптомы кризиса современной партийно-политической системы. После долгого преобладания тенденций размывания идеологических различий маятник общественных предпочтений качнулся в сторону электоральной поддержки партийных проектов с четкой идеологической определенностью. Зачастую эта определенность направлена на поиск собственной национальной идентичности, борьбу с миграционным кризисом, мультикультурализмом и евроинтеграцией, с опорой на идею «Особого пути».

Вызванное современными геополитическими процессами большое количество «периферийных» для немецкой историографии «особых путей» доказывает теоретическую функциональность самого концепта. Каждый народ нуждается в некоей объединяющей идее, которая может выступить каркасом формирования нации, обладающей собственной культурой, мировоззренческими особенностями и ценностями. Главным достоинством концепции «особого пути» является то, что она прекрасно вписывается в самые разные идеологические сценарии. Консервативная модель может апеллировать к идее «эстафетности» прогресса и тщательному вниманию к традиционным ценностям. Либеральная модель же делает акцент на последующем резком взлете нации и быстром преодолении дистанции между передовыми и развивающимися странами.

Библиография

1. Атнашев Т., Велижев М., Зорин А. «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: НЛЮ, 2018. 485 с.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества; пер. с англ. М.Л. Коробочкин. М.: Весь мир, 2004. 79 с.
3. В ФРГ правый политик назвал мемориал Холокоста памятником позора // Информационное агентство России ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3952772>.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования; пер. с нем. Л.М. Добросельский. Аст, 2018. 340 с.
5. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества; пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 760 с.
6. Захарова Е.В. Факторы электорального успеха «альтернативы для Германии» // Политическая наука. 2019. № 2. С. 219-244.
7. Мещеряков Д.Ю. История Германии сквозь призму взглядов партии «Альтернатива для Германии» // Политическая наука. 2020. № 2. С. 280-288.
8. Мудде К. Популистские праворадикальные партии в современном мире // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2014. № 4. С. 91-101.
9. Нарочинская Е.А. Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 32-55.
10. Семененко И.С. Реальность и миражи европейской идентичности // Внутриполитические трансформации в западных странах: реальность и перспективы. М.: ИМЭМО РАН. 2007. С. 76-96.
11. Соловьев Э.Г. (ред.) Политические идеологии и партийные системы: основные векторы трансформации во втором десятилетии XXI века. М.: Идея-Пресс, 2022. 228 с.
12. Фест И.К. Адольф Гитлер: В 3 т. Т. 2; пер. с нем. Н.С. Летнева, А.М. Андропова. Пермь: Алетей, 1993. 483 с.
13. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации; пер. с нем. Иваненко А.А. СПб.: Наука, 2009. 350 с.
14. Auf einmal wird in Europa Deutsch gesprochen // Welt. 2011. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article13718042/Auf-einmal-wird-in-Europa-Deutsch-gesprochen.html>.
15. Berman S. The Primacy of Politics: Social Democracy and the Making of Europe's Twentieth Century. Cambridge, 2006. 239 p.
16. German elections 2017: full results // Support the guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2017/sep/24/german-elections-2017-latest-results-live-merkel-bundestag-afd>.
17. Kjellen R. Die Idee von 1914. Ein weltgeschichtliche Perspektive. Leipzig: S. Hirzel, 1915. 60 p.
18. Landtagswahl 2018 Bayern // Электронный портал tagesschau. URL: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2018->

10-14-LT-DE-BY/index.shtml.

19. Meyer T. Der Streit um Grenzen und die Sozialdemokratie // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2019. № 6. URL: <https://www.frankfurtet-hefte.de/artikel/der-streit-um-genzen-und-die-sozialdemokratie-2754>.
20. Vermeil A. Germany in the Twentieth Century: A Political and Cultural History of the Weimar Republic and the Third Reich. L.: Literary Licensing, 2011. 288 p.

The idea of a "Special Path" in the context of the crisis of neoliberalism (on the example of modern Germany)

Tat'yana A. Yashkova

Doctor of Political Science,
Professor of the Department of philosophy and sociology,
Academy of Labor and Social Relations,
119454, 90 Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yashkova@yandex.ru

Enver R. Memetov

Postgraduate Student of the Department of philosophy and sociology,
Academy of Labor and Social Relations,
119454, 90 Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: enver.memetov.97@gmail.com

Abstract

The turn of the XX–XXI centuries in many respects it was marked by a deep political crisis of systemic parties, which was caused by the erosion of the political organization "nation – state", traditional for the New Age. This "erosion" was the result of the crisis of the idea of neoliberalism dominating international relations and led to a surge in the activity of right-wing populist parties. This article, using the example of modern Germany, in many ways tries to answer the question of how the electoral success of right-wing populists is connected with the idea of a "Special Path". The authors come to the conclusion that the migration crisis, coupled with the failure of the globalization process, gave rise to the fear of losing one's own national identity. This fear gradually led to the transformation of nationalism as a system of ideological and political views into one of the essential factors in the development of modern European society. Anxiety and fear for one's own future have led to a revival of the idea of a "Special Path" and a wave of electoral success of non-systemic parties and movements that actively appeal to the nationalist narrative.

For citation

Yashkova T.A., Memetov E.R. (2022) Ideya "Osobogo puti" v kontekste krizisa neoliberalizma (na primere sovremennoi FRG) [The idea of a "Special Path" in the context of the crisis of neoliberalism (on the example of modern Germany)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 127-137. DOI: 10.34670/AR.2022.28.58.015

Keywords

«Special Path», neoliberalism, romantic nationalism, multiculturalism, Germany, globalization, migration, systemic party crisis, AfD, right-wing populism.

References

1. Atnashev T., Velizhev M., Zorin A. (2018) *"Osobyi put'": ot ideologii k metodu* ["Special way": from ideology to method]. Moscow: NLO Publ.
2. Auf einmal wird in Europa Deutsch gesprochen (2011). *Welt*. Available at: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article13718042/Auf-einmal-wird-in-Europa-Deutsch-gesprochen.html> [Accessed 12/08/2022].
3. Bauman Z. (2004) *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization. Consequences for the individual and society]; translated from English by M.L. Korobochkin. Moscow: Ves' mir., 79 s.
4. Berman S. (2006) *The Primacy of Politics: Social Democracy and the Making of Europe's Twentieth Century*. Cambridge.
5. Fest I.K. (1993) *Adolf Gitler: V 3 t. T. 2* [Adolf Hitler: In 3 vols. Vol. 2]; translated from German by N.S. Letneva, A.M. Andronova. Perm': Aleteiya Publ.
6. Fikhte I.G. (2009) *Rechi k nemetskoj natsii* [Speeches to the German nation]; per. s nem. Ivanenko A.A. SPb.: Nauka., 350 s.
7. Gerder I.G. (2013) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind]; translated from German by A.V. Mikhailova. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.
8. German elections 2017: full results. *Support the guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2017/sep/24/german-elections-2017-latest-results-live-merkel-bundestag-afd> [Accessed 12/08/2022].
9. Kjellen R. (1915) *Die Idee von 1914. Ein weltgeschichtliche Perspektive*. Leipzig: S. Hirzel.
10. Landtagswahl 2018 Bayern. *Elektronnyi portal tagesschau*. Available at: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2018-10-14-LT-DE-BY/index.shtml> [Accessed 12/08/2022].
11. Meshcheryakov D.Yu. (2020) Istoriya Germanii skvoz' prizmu vzglyadov partii "Al'ternativa dlya Germanii" [The history of Germany through the prism of the views of the party "Alternative for Germany"]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, pp. 280-288.
12. Meyer T. (2019) Der Streit um Grenzen und die Sozialdemokratie. *Neue Gessellschaft / Frankfurter Hefte*, 6. Available at: <https://www.frankfurtet-hefte.de/artikel/der-streit-um-genzen-und-die-sozialdemokratie-2754> [Accessed 17/08/2022].
13. Mudde K. (2014) Populistskie pravoradikal'nye partii v sovremennom mire [Populist right-wing radical parties in the modern world]. *Bereginya. 777. Sovo: obshchestvo, politika, ekonomika* [Bereginya. 777. Sovo: society, politics, economics], 4, pp. 91-101.
14. Narochinskaya E.A. (2015) Mnogoobraznyi separatizm: problema tipologii i evropeiskie real'nosti [Diverse separatism: the problem of typology and European realities]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], 1, pp. 32-55.
15. Semenenko I.S. (2007) Real'nost' i mirazhi evropeiskoi identichnosti [Reality and Mirages of European Identity]. *Vnutripoliticheskie transformatsii v zapadnykh stranakh: real'nost' i perspektivy* [Internal Political Transformations in Western Countries: Reality and Prospects.]. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, pp. 76-96.
16. Solov'ev E.G. (ed.) (2022) *Politicheskie ideologii i partiinye sistemy: osnovnye vektory transformatsii vo vtorom desyatiletii XXI veka* [Political ideologies and party systems: main vectors of transformation in the second decade of the 21st century]. Moscow: Ideya-Press Publ.
17. V FRG pravyy politik nazval memorial Kholokosta pamyatnikov pozora [In Germany, a right-wing politician called the Holocaust memorial a monument of shame]. *Informatsionnoe agentstvo Rossii TASS* [Information agency of Russia TASS]. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3952772> [Accessed 12/08/2022].
18. Vermeil A. (2011) *Germany in the Twentieth Century: A Political and Cultural History of the Weimar Republic and the Third Reich*. L.: Literary Licensing.
19. Vitgenshtein L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical research]; translated from German by L.M. Dobrosel'skii. Ast Publ.
20. Zakharova E.V. (2019) Faktory elektoral'nogo uspekha "al'ternativy dlya Germanii" [Factors of electoral success of the "alternative for Germany"]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, pp. 219-244.